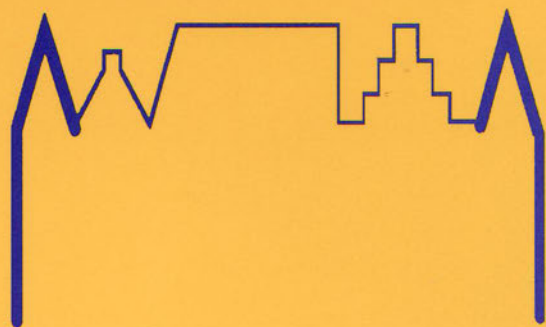

Русская культура в Европе

Russian Culture in Europe

4

A.A. BREDIUS
STICHTING

Die russische Diaspora
in Europa
im 20. Jahrhundert
Religiöses und kulturelles Leben

Herausgegeben von Adelbert J. M. Davids
und Fedor B. Poljakov

PETER LANG

Internationaler Verlag der Wissenschaften

Русская культура в Европе

Russian Culture in Europe

edited by

Fedor B. Poljakov (Vienna)

Vol.4

Editorial Board

Wladimir Berelowitch (Paris/Geneva)

Adelbert Davids (Nijmegen)

Lazar Fleishman (Stanford)

Francine-Dominique Liechtenhan (Paris)

Michael Moser (Vienna)

Wendelin Schmidt-Dengler (Vienna)

Michael Wachtel (Princeton)

This series is edited in association with

The Russian Diaspora Research Group, which is
affiliated with the A. A. Bredius Foundation
(Hernen, The Netherlands)

PETER LANG

Frankfurt am Main · Berlin · Bern · Bruxelles · New York · Oxford · Wien

**Die russische Diaspora
in Europa
im 20. Jahrhundert
Religiöses und kulturelles Leben**

Herausgegeben von Adelbert J. M. Davids
und Fedor B. Poljakov

PETER LANG

Internationaler Verlag der Wissenschaften

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <<http://www.d-nb.de>> abrufbar.

Gedruckt mit Unterstützung der
A. A. Brediusstichting (Hernen, Niederlande)

Layout: Mag. Daria Wilke, Wien

Gedruckt auf alterungsbeständigem,
säurefreiem Papier.

ISSN 1860-045X
ISBN 978-3-631-56932-0

© Peter Lang GmbH
Internationaler Verlag der Wissenschaften
Frankfurt am Main 2008
Alle Rechte vorbehalten.

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Das gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

Printed in Germany 1 2 3 4 5 7

www.peterlang.de

INHALT

ADELBERT DAVIDS (NIJMEGEN), FEDOR B. POLJAKOV (WIEN) Vorwort	7
SERGIJ (KONOVALOV) † ERZBISCHOF VON EUKARPIA Zum Geleit	10
CATHERINE ANDREYEV (OXFORD) Introductory Remarks on the Study of the First Russian Emigration	11
 I. KIRCHLICHES LEBEN UND ÖKUMENISCHER DIALOG	
GERD STRICKER (ZÜRICH) Russische orthodoxe Kirchen in der Diaspora (1917–2007)	21
ПРОТОИЕРЕЙ БОРИС ДАНИЛЕНКО (МОСКВА) Вдали от Родины. Последние годы жизни Н. Н. Глубоковского (1921–1937) по архивным материалам <i>Приложение:</i> Николай Глубоковский Архиепископ Натан Сёдерблум, как христианский и «экуменический» деятель (По личным впечатлениям, наблюдениям и воспоминаниям). Публикация протоиерея Бориса Даниленко	71
WIM COUDENYS (ANTWERPEN & LEUVEN) Proselytism, Charity, Imperialism: Russian Émigrés in Belgium between Catholicism and Orthodoxy	119
ANDREJ ŠIŠKIN (SALERNO) „Rußland“ und „Universelle Kirche“ in den Übertrittsformeln Vladimir Solov’evs und Vjačeslav Ivanovs	137

ПРОТОИЕРЕЙ БОРИС ДАНИЛЕНКО (МОСКВА)

Вдали от Родины
Последние годы жизни Н. Н. Глубоковского (1921–1937)
ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ*

Вы просто очень образованный и очень порядочный человек ...
В. В. Розанов, из письма Н. Н. Глубоковскому.¹

Мифология русской науки сохранила до наших дней повествование о том, как крупнейший представитель немецкой протестантской академической школы берлинский профессор Адольф фон Гарнак (Adolf von Harnack; 1851–1930)² взялся за изучение русского языка ради того, чтобы иметь возможность прочесть исследование о блаженном Феодорите Киррском, принадлежащее перу Н. Н. Глубоковского. На самом деле это всего лишь легенда, а добровольный подвиг изучения русской словесности подъял на свои рамена под впечатлением от исторической рецензии Гарнака на упомянутое исследование оксфордский про-

* Считаю своим долгом выразить признательность бывшему проректору Московской духовной академии, нынешнему проректору Хабаровской духовной семинарии игумену Петру (Еремееву), благодаря стараниям и доброму внутреннему устройению которого Софийский архив Н. Н. Глубоковского в 2002 г. оказался в сердце России – у *Троицы в Академии*. Предоставленная мне возможность работать с материалами этой архивной коллекции позволила подготовить к публикации в качестве приложения к моему докладу очерк Н. Н. Глубоковского об архиепископе Натане Сёдерблуме. Искренне благодарю сотрудников Синодальной библиотеки Московского Патриархата Вячеслава Горбунова, Максима Городина и протоиерея Александра Троицкого за помощь в подготовке этой публикации.

¹ Т. А. Богданова, Новые материалы к биографии В. В. Розанова (из переписки В. В. Розанова и Н. Н. Глубоковского) // *Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. Сборник научных трудов*. Ленинград 1989, 39.

² См. статью Н. Н. Глубоковского о нем: *Православная богословская энциклопедия*. Т. 4. СПб. 1903, стб. 109–124.

фессор Артур Кейли Хедлам (Arthur Cayley Headlam; 1862–1947)³, известный протестантский богослов, один из инициаторов экуменического диалога между англиканской и православной церквями, впоследствии епископ Глустерский (1923–1945).⁴ Отметим, что современный исследователь православной богословской традиции К.-Х. Фельми, упоминая исследование о блаженном Феодорите в связи с легендой о Гарнаке, не упоминая имени автора этого исследования, указывает — со ссылкой на протоиерея Александра Шмемана — на то, что фон Гарнак владел «русским языком с юных лет, которые он провел в Дерпте (Тарту)».⁵ Однако интерес западной богословской и церковно-исторической науки, проявленный столь рельефно в отношении первой большой работы Н. Н. Глубоковского⁶, заставляет обратить особое внимание на имя и труды последнего.

Русская богословская традиция оформилась академически довольно поздно. Лишь реформы духовной школы в России в XIX веке послужили основанием для развития направлений церковной науки, снискавших впоследствии славу науки отечественной *пред лицом* мирового ученого сообщества. К числу таких наиболее разработанных направлений можно отнести, например, успехи русской литургической школы, основателем которой стал Н. Ф. Красносельцев

³ Первое печатное указание на этот факт находим на страницах опубликованного Русской академической группой в Болгарии сборника: *35-летие ученой деятельности профессора Николая Никаноровича Глубоковского* (София, типография газеты «Русь», 1925) в тексте речи протопресвитера Георгия Шавельского (с. 11).

⁴ См. о нем: *Dictionary of National Biography. 1941–1950*. London 1959, 369–371.

⁵ К.-Ch. Felmy, *Die orthodoxe Theologie der Gegenwart: Eine Einführung*. Darmstadt 1990, 9. Цитируем по русскому переводу: К.-Хр. Фельми, *Введение в современное православное богословие*. Москва 1999, 16.

⁶ Труд, за который Н. Н. Глубоковский был увенчан степенью магистра Московской духовной академии — *Блаженный Феодорит, епископ Курский: Его жизнь и литературная деятельность*. Т. 1–2. Москва 1890. Дополнением к исследованию явилось издание: *Творения блаженного Феодорита. Письма блаженного Феодорита в русском переводе профессора СПб. духовной академии Николая Глубоковского. Письма 1–150*. Сергиев Посад 1907; *Письма 151–268 и введение*. Сергиев Посад 1908.

(1845–1898)⁷, а основным столпом – А. А. Дмитриевский (1856–1929). В наши дни по прошествии более семидесяти пяти лет со дня кончины последнего невозможно представить себе исследования, связанного с изучением греческих и славянских богослужебных памятников, без многочисленных ссылок на работы «Русского Гоара».⁸ Но если успехи русских ученых в изучении памятников, связанных в первую очередь с православной богослужебной традицией, представляются закономерными, то признание за исследованиями их соотечественников первенства и мировой славы в таких направлениях церковной науки как история Древней Церкви или патристика относилось к явлениям чрезвычайным. Самозамкнутость, декларировавшаяся иногда как самодостаточность, русской церковно-академической науки во многом определялась самим наименованием православия в Российской Империи Греко-восточной Церковью. К европейским богословским школам, в первую очередь протестантским и в меньшей степени католическим, в лице их лучших представителей русские ученые относились с великим почтением.⁹ Со всем смирением, свойственным большинству церковных исследователей, осознавалось, что достигнуть высот в сферах археологии христианских памятников, текстологии святоотеческого наследия и многих других направлениях церковной науки рус-

7 Интересной в связи с упоминанием о русской литургической школе представляется неопубликованная статья проф. А. И. Алмазова *Красносельцев Н. Ф.*, написанная им для *Православной богословской энциклопедии* и хранящаяся в РГИА (Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 462. Л. 145–146), с редакционной правкой Н. Н. Глубоковского.

8 Такое «сравнительное» наречение А. А. Дмитриевскому, связанное с именем доминиканца Иакова Гоара (1601–1653), издателя *Евхологиона* (Paris 1647), положившего начало изучению литургических источников восточной христианской традиции, дал Н. Н. Глубоковский в своей речи на торжествах, посвященных 1600-летию Никейского Собора, 8 июля 1925 года (*Путь* № 4, 1926, 143).

9 Следует заметить, что и в греческой православной традиции такое отношение к западной христианской науке – и не только исторической, но и богословской – было нормой. При наличии сильных богословских школ в самой Греции с традиционными их центрами в Афинах и Фессалониках, двое из патриархов, занимавших Константинопольскую кафедру в XIX веке, завершили свое образование на богословских факультетах Германии. См.: *История христианской Церкви в XIX веке*. Т. 2: *Православный восток*. Петроград 1901, 83–84.

скому исследователю трудно, быть может и невозможно. Поэтому и учебные пособия, и немногие «исследования», увидевшие свет в России в XIX — начале XX веков по основным церковно-историческим дисциплинам, носили в большинстве своем компилятивный характер, чего нельзя сказать, например, об отечественных трудах по истории Русской и Балканских церквей.

Проявление интереса к русской богословской науке со стороны западных ученых в XIX — начале XX веков можно назвать весьма умеренным. Исключения связаны лишь со столь великими светилами на небосводе церковной истории как В. В. Болотов (1854–1900). Свидетельства такого интереса в силу своей малочисленности представляются особо ценными. Вот одно из них. Совсем недавно в фонде выдающегося русского византиниста, исследователя памятников канонического права В. Н. Бенешевича (1874–1938) И. П. Медведевым выявлены материалы, относящиеся к неосуществленному проекту издания в Лейпцигском издательстве В. Г. Teubner ряда работ В. В. Болотова в переводе на немецкий язык.¹⁰ Уместно заметить, что В. В. Болотов, с определенной остороженностью изначально отнесшийся к появлению исследования Н. Н. Глубоковского о блаженном Феодорите, дал отзыв, суть которого сводилась к довольно парадоксальному в своей противоречивости заключению — указанию на безупречность методологии самого исследователя и одновременно на несогласие с основными выводами исследования.¹¹

Сближение русского православия с западно-христианской традицией в конце XIX — начале XX веков связано с активизацией межконфессионального диалога и зарождением экуменического движе-

¹⁰ Рукописный перевод статей В. В. Болотова, выполненный Амайей Фаддеевной Бенешевич (1888–1967), хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 192. Оп. 1. Дела 75 и 76): И. П. Медведев, Труды В. В. Болотова на немецком языке. (Прерванный проект) // *История Древней Церкви в научных традициях XX века. Материалы церковно-научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины доктора церковной истории, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, члена-корреспондента императорской Академии наук Василия Васильевича Болотова*. СПб. 2000, 81–83.

¹¹ См.: Т. А. Богданова, Н. Н. Глубоковский и В. В. Болотов. К истории взаимоотношений авторов «Феодорита» и «Theodoretian'ы» // *История Древней Церкви ...*, 45.

ния. Весьма перспективным в плане конфессионального сближения представлялся диалог Русской Православной Церкви и Англиканской Церкви.¹² Интерес с ее стороны к русскому православию был пробужден еще на грани XIX и XX веков.¹³

Несомненно, требовалось свидетельство перед христианами запада о смысле и сути православия, суждение о котором сводилось подчас к восприятию его в качестве национальной религии греков и славян, дополненных малочисленной румыно-грузинской группой. Первой ласточкой свидетельства перемен стала статья автора, уже известного за пределами России исследованием о блаженном Феодорите, «Православие по его существу», опубликованная в 1913 году на английском языке в Нью-Йорке, а затем в следующем году вышедшая по-русски в Санкт-Петербурге.¹⁴ До сих пор текст статьи не утратил своего символического значения, что подтверждают его многочисленные перепечатки. В начале же XX века эта статья заставила многих обратить на нее внимание только по причине известности ее автора в академических кругах.

* * *

Ко времени установления нового государственного строя в России после октябрьского переворота 1917 года Н. Н. Глубоковский, состоявший членом-корреспондентом Императорской Академии наук, занимал профессорское место в Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре Священного Писания Нового Завета.¹⁵ Он был автором около

¹² В одной из своих статей уже эмигрантского периода Н. Н. Глубоковский писал, ссылаясь на весьма распространенное в России семинарское пособие по Истории Церкви: «А в православной России уже давно внушается, даже в наших семинарских учебниках, что... желание единения между англиканской и православной церковью в недалеком будущем завершится полным успехом». См.: *Путь* № 4, 1926, 142.

¹³ Следует отметить брошюру: Arthur C. Headlam, *The Teaching of the Russian Church*. London 1897.

¹⁴ Orthodoxy in its Essence // *The Constructive Quarterly* 1913, № 2; Православие по его существу // *Христианское чтение* 1914, № 1, 3–22.

¹⁵ С 11 октября 1894 года – экстраординарный, а по утверждению в звании доктора богословия за исследование *Благовестие св. апостола Павла по его проис-*

ста различных по тематике статей, вышедших в церковных и светских периодических изданиях¹⁶ и нескольких уже упомянутых выше отдельно изданных работ, список которых следует дополнить фундаментальной монографией, посвященной российскому иерарху XIX века архиепископу Рязанскому Смарагду (Крыжановскому).¹⁷ Еще до смерти А. П. Лопухина (1852–1904), инициатора и первого редактора «Православной богословской энциклопедии», задуманной как приложение к популярному журналу «Странник», а затем развившейся в серьезный научный проект так, к сожалению, и не заверченный, Н. Н. Глубоковский был одним из самых плодотворных ее авторов. В 1904 году он принимает предложение наследников А. П. Лопухина и возглавляет в качестве редактора это справочное издание, объединившее его стараниями в составе авторского коллектива лучших представителей российской богословской и гуманитарной науки. Важной представляется характеристика, данная Н. Н. Глубоковскому как специалисту по Новому Завету известным немецким патрологом Натаниелем Бонвечем:

Obenan steht unter den russischen Ekzegeten der Gegenwart N. Glubokovskij, Professor an der St. Petersb. Geistl. Akademie. Sein Hauptwerk ist „Heilsverkündigung des Apostels Paulus“, St. Petersb. 3 Bde 1905, 1910, 1912, vgl. auch seine Erklärung des Galaterbriefs und seine Ergänzungen zu den Artikeln in der Orthod. theol. Enzyklopädie.

хождению и существу. Т. 1–3. СПб. 1905, 1910, 1912; с 28 января 1898 года – ординарный профессор.

¹⁶ Лишь часть из них отмечена в наиболее полной из опубликованных до настоящего времени библиографии ученого. См.: А. Н. Игнатъев, Памяти Н. Н. Глубоковского // *Журнал Московской Патриархии* 1966, № 8, 57–77 («список трудов»: с. 73–77). Архивные материалы содержат многие элементы автобиографии Н. Н. Глубоковского – см., например, список статей, помещенных в *Московских ведомостях* (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 1). Вариант автобиографии Н. Н. Глубоковского см.: Иеромонах Петр (Еремеев), Софийский архив Н. Н. Глубоковского // *Церковь и время* 2003, № 2 (23), 151–152.

¹⁷ Н. Н. Глубоковский, *Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский († 1863): его жизнь и деятельность. С 7 портретами и 3 автографами*. СПб. 1914. 559 с.

Die abendländische Theologie wird hier in vollstem Umfang herangezogen und Stellung zu ihr genommen.¹⁸

И. А. Лаговский (1889–1941)¹⁹, автор некролога Н. Н. Глубоковского, писал:

До революции Н. Н. Глубоковский был редактором одного из ценнейших церковно-научных изданий – «Православной богословской энциклопедии». Она осталась незавершенной. Но пока был жив Н. Н. Глубоковский, как бы еще жила и возможность окончания ее, потому что он сам был живой православной богословской энциклопедией.²⁰

Авторитет ученого в вопросах, связанных с историей церкви и ее каноническим строем, заставлял многих как светских, так и духовных лиц обращаться к нему за советом по самым сложным вопросам.²¹ Обширнейшая переписка Н. Н. Глубоковского дореволюционного периода, включающая копии многих его писем, отосланных адресатам, представлена в его именном фонде, хранящемся в петербургском «Доме Плеханова», филиале Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.²² Весь объем эпистолярного наследия Н. Н. Глубоковского дореволюционного периода представляет научную ценность в силу непреходящей актуальности затронутых в нем вопросов как бого-

¹⁸ *Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche*. Bd. 24. Leipzig 1913, 439.

¹⁹ См. о нем: Прот. Борис Даниленко, *Зерна единого хлеба. Указатель статей и публикаций журнала «Путь» (Париж, 1925–1940)*. Москва 1998, 10–11.

²⁰ И. А. Лаговский, Заслуженный профессор д-р богословия Н. Н. Глубоковский // *Вестник русского христианского движения* № 3-4, 1937, 20.

²¹ В этом смысле особо интересными представляются письма Н. Н. Глубоковского В. В. Розанову, датированные 1902–1916 годами. Часть из них хранится в ОР РНБ (Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 278), другая (80 писем) – в ОР РГБ (Ф. 249).

²² Архив Н. Н. Глубоковского (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1-2.) обработан около 1983 г. Т. А. Аркушенко и М. Д. Склярской. Машинописная опись фонда, датированная 1985 г., содержит 2473 ед. хр., относящихся ко времени с 1809 по 1953 годы

словского и церковно-исторического, так и общегуманитарного характера.²³

* * *

В 1908 году умирает учитель Н. Н. Глубоковского, профессор Московской духовной академии и Императорского Московского университета Алексей Петрович Лебедев (1845–1908). Самые добрые отношения связывали их. Н. Н. Глубоковский всегда указывал на покойного как на столпа церковно-исторической науки. Но был один пронзительный звук, вносивший определенный диссонанс в гармоничные отношения учителя и ученика. Дело в том, что супруга Лебедева Анастасия Васильевна (1859–1944), в девичестве Нечаева²⁴, заронила в душу когда-то совсем юного студента, а затем магистранта своего ученого мужа, искру пламенного чувства. Н. Н. Глубоковский понимал, что с ним происходит, и, не смея искать близости с Анастасией Васильевной, признался ей в любви. После 1908 года они были почти неразлучны, за исключением кратких поездок на лечение и его научных командировок. Их союз не был венчан церковным чином и был зарегистрирован гражданскими инстанциями Советской России лишь 27 ноября 1921 года для упрощения хлопот, связанных с совместным отъездом за границу.²⁵ И хотя такие отношения могли казаться близким, особо из духовной среды, не только соблазнительными, но и вовсе недопустимыми, многие друзья еще в предреволюционное десятилетие воспринимали Анастасию Васильевну как супругу Н. Н. Глубоковского. Можно ли назвать

²³ Подробный очерк до-эмиграционного периода жизни Н. Н. Глубоковского со ссылками на относящиеся к нему архивные материалы, в том числе и переписку, см.: Т. А. Богданова, Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого (по архивным материалам) // *Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга*. Под. ред. И. П. Медведева. СПб. 2004, 119–171.

²⁴ Дочь московского протоиерея Василия Петровича Нечаева, впоследствии епископа Костромского и Галичского Виссариона (1822–1905), известного богослова и церковного публициста, основателя и редактора журнала *Душеполезное чтение*.

²⁵ Н. Н. Глубоковский, Из ненапечатанного архива: автобиографические воспоминания // *Церковь и время* 2003, № 2 (23), 198.

этот брак счастливым по человеческим меркам? Наверяд ли. Анастасия Васильевна, страдавшая нервными расстройствами, которые при обострениях переходили в серьезный психический недуг, обладала по свидетельству знавших чету Глубоковских еще и тяжелым характером. Николай Никанорович нес свой крест с христианским смирением, осознавая свою ответственность за дорогую супругу, жизнь без которой считал невозможной.²⁶

* * *

Сразу после установления новой власти в России перед Н. Н. Глубоковским встал вопрос: «Оставаться или уезжать?»

Неожиданно для Н. Н. Глубоковского 6 марта 1918 года им было получено приглашение примаса Лютеранской Церкви Швеции архиепископа Упсальского Натана Сёдерблума прочесть курс лекции в университете, где последний возглавлял кафедру теологии.²⁷ Целый ряд опасений заставлял Н. Н. Глубоковского сомневаться в возможности воспользоваться этим приглашением. Сохранился черновой вариант его ответа архиепископу, датированный 23 марта 1918 года. Приведем выдержки из него:

Я имел честь получить от Вас депешу и два пакета с 3 письмами и документами и, прежде всего, свидетельствую мою признательность за оказанное мне высокое внимание ... Если все переносится на сентябрь, то теперь мы — русские — решительно не можем

²⁶ Автору посчастливилось беседовать 11 сентября 1999 г. с известным славистом Н. М. Дылевским (1904–2003), выходцем из России, с юных лет жившим в Болгарии. В полуторачасовой магнитоаписи беседы содержится немало сведений о жизни Н. Н. Глубоковского в «болгарский» период, использованных при подготовке настоящего доклада. В частности, Николай Михайлович упомянул и психический недуг Анастасии Васильевны, проявления которого были источником скорбей и уныния для Н. Н. Глубоковского.

²⁷ Lars Olof Jonathan (Nathan) Söderblom (1866–1931) – Архиепископ Упсальский, один из родоначальников экуменического движения, организатор Международной христианской конференции в 1925 г., положившей основу для создания в 1948 г. Всемирного совета церквей; лауреат Нобелевской премии Мира 1930 г. См. о нем статью С.-М. Edsman'a в: *Lexikon für Theologie und Kirche*. Bd. 9. Freiburg 1964. 843–845.

предвидеть, что с нами будет к тому времени,— и не в нашей силе изменить это трагическое положение ... Положение моей родины столь несчастное, состояние Русской Церкви и ее учреждений (в том числе и Духовной Академии) столь тягостное, и личное настроение столь угнетенное, что крайне трудно, почти невозможно ни морально, ни физически, заниматься с успехом направленным умственным трудом ... Я не владею иностранными языками и могу говорить и писать только по-русски. Это весьма затруднило бы мое участие на конференции, а лекции делает и прямо невозможными, потому что читать их на неведомом для слушателей русском языке было бы и неудобно и противно заповеди апостольской (1 Кор. 14).²⁸ Если же перевести их на шведский язык, то по справкам и попыткам моим выяснилось, что я, во всяком случае, не могу выучить в ближайшие месяцы шведское произношение, чтобы мне читать без оскорбления слуха достопочтенной шведской аудитории ... По всем этим непреодолимым обстоятельствам я усердно прошу Ваше Высокопреосвященство извинить меня, что по немощам моим я не в силах исполнить Ваш столь благосклонный и лестный призыв, хотя желал бы это сделать по совести от самого искреннего сердца.²⁹

Командировка в Швецию все же состоялась с августа по декабрь 1918 года. Н. Н. Глубоковский прочел курс лекций о соединении церквей в Упсальском университете, а в университетской библиотеке Carolina Rediviva подготовил описание славянских и русских рукописных и старопечатных книг.³⁰ Расходы по его пребыванию в Швеции взял на себя фонд «Olaus Petri Stiftelsen».

²⁸ Здесь имеется в виду рассуждение апостола Павла о бесполезности назидания на *незнакомых* для слушателей языках в 1-м послании к Коринфянам (14, 9-28).

²⁹ ОР РНБ. Ф. 192. Ед. хр. 285. Л. 1.

³⁰ Лекции, русскоязычный вариант которых хранится в Софийском архиве, были изданы по-шведски, а затем по-болгарски. См.: Иеромонах Петр (Ереме-ев), Софийский архив Н. Н. Глубоковского ..., 148.

По возвращении из Швеции в конце 1918 года Н. Н. Глубоковский уже осознавал свою несовместимость с установившимся в России государственным строем. Его избрание профессором Петроградского университета и Богословского института, в который с надеждой на сохранение при новом режиме была преобразована прежняя Санкт-Петербургская духовная академия, не внушало веры в возможность вернуться к полноценной научно-педагогической работе в России. 25 декабря 1918 года в своем письме к академику Н. Я. Марру он писал:

Должен, однако прибавить, что если бы достались мне все блага мира, и утвердился теперешний безбожный насильнически-социалистический строй, — для меня невозможно будет жить при нем, и я обязательно уйду умирать в другое место. Такова для меня моральная необходимость.³¹

Беды и целый ряд нравственных унижений, которым в то время подвергся ученый,³² могли быть преодолены внутренними усилиями, но самым большим несчастьем представлялась невозможность вести научные и педагогические занятия. 14 марта 1920 года он пишет академику А. А. Шахматову:

Жестокий опыт привел меня к неотразимому убеждению, что ныне можно работать научно лишь за границей.³³

30 Цитируется по статье: Т. А. Богданова, Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого ..., 169.

31 В 1919 г. на Урале в качестве мести за публикацию Н. Н. Глубоковским очерка *По вопросу о праве евреев именоваться христианскими именами: Трактат и историческая справка* (СПб. 1911, 121 с.) убивают его родного брата Александра Никаноровича; исчезает без вести его племянник; дважды в 1919 и 1920 годах его петербургская квартира подвергается разграблению.

32 Цитируется по статье: Т. А. Богданова, Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого..., 169.

33 Цитируется по статье: Т. А. Богданова, Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого..., 169.

О том, как удалось организовать этот отъезд, Н. Н. Глубоковский подробно рассказал в своих автобиографических воспоминаниях, впервые опубликованных иеромонахом Петром (Еремеевым).³⁴

В фонде Н. Н. Глубоковского хранится маленький по размеру документ — рекомендация, данная ему митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским, 1874–1922) для оказания содействия в делах, — автограф священномученика на обороте его визитной карточки, датированный 28 августа 1921 года.³⁵ 29 августа Н. Н. Глубоковский с супругой навсегда покинули большевистскую Россию, а через год, в ночь с 12 на 13 августа 1922 года митрополит Вениамин вместе со своими союзниками был расстрелян по приговору первого показательного судебного процесса против православного духовенства, устроенного большевиками после прихода к власти. Примечательно, что этот отъезд в эмиграцию состоялся ровно за год до отплытия печально известного «философского парохода».³⁶

Перед отъездом Н. Н. Глубоковский передал часть принадлежавших ему рукописных материалов К. Я. Здравомыслову (1863–1933),³⁷ занимавшему до революции должность начальника Архива Св. Синода, преобразованного в 1918 году во 2-е отделение IV Секции Петроградского Отделения Центрального управления архивным делом.³⁸ Однако со своими библиотекой и архивом Н. Н. Глубоковскому было трудно расстаться, и вместе с разрешением на выезд из большевистской России он смог выхлопотать и право на вывоз некоторой их части. Им было получено соответствующее удостоверение Комиссии Наркомпроса по улучшению быта ученых от 10 августа 1921 года,

в том, что он ... имеет выехать за границу ... по командировке ... для обозрения, обследования и описания славяно-русских мате-

³⁴ Н. Н. Глубоковский, Из ненапечатанного архива ..., 158, 175–178.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 24.

³⁶ Прот. Борис Даниленко, *Зерна единого хлеба* ..., 3–4.

³⁷ См. о нем: *Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию материалов Св. Синода*. 1865–1915. Петроград 1915, 273–277.

³⁸ РГИА. Архив архива. Оп. 1. № 287, 288.

риалов (рукописных и старопечатных) и вынужден для исполнения этого поручения взять с собою необходимое количество книг и своих рукописей, почему вес вывозимого груза достигает шестнадцати пудов.³⁹

За два года до смерти Н. Н. Глубоковский писал в предисловии к одной из своих дореволюционных работ:

Пока я вынужденно оставался в России, — приходилось думать только о простом физическом существовании, которое ... стало сомнительным даже на несколько дней вперед ...; а когда в понедельник 16 (29) августа 1921 г. мне удалось из Петрограда перебраться в Финляндию, — я оказался беспомощным скитальцем по неприветливому заграничному морю с больной спутницей моей на самой утлой ладье, посвящая все свои стареющие силы этому тревожному плаванью и не имея ни малейшей возможности хотя бы заглянуть в специальную научную литературу.⁴⁰

* * *

Оказавшись в «финском карантине», Глубоковские не ощутили на себе заботы архиепископа Финляндского и Выборгского Серафима (Лукиянова, 1879–1959), хотя, по всей видимости, надеялись на это.⁴¹ Начались поиски преподавательского места для Н. Н. Глубоковского, увенчавшиеся успехом лишь через два года. В начале 1922 года через Берлин удается перебраться в Прагу, где Н. Н. Глубоковский, избран-

³⁹ Иеромонах Петр (Еремеев), Софийский архив Н. Н. Глубоковского ..., 155.

⁴⁰ Н. Н. Глубоковский, *Дидаскалия и Апостольские Постановления по их происхождению, взаимоотношению и значению*. София 1935. 3.

⁴¹ См. письмо от 9 июня 1921 г. епископа Вереяского (впоследствии архиепископа) Илариона (Троицкого, 1866–1929) Н. Н. Глубоковскому: *Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства. 1888–1932*. Составитель, автор предисловия, послесловия и комментариев Марина Склярова. СПб. 1994, 303.

ный членом Коллегии по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии, получает известие об избрании его профессором Белградского университета. Уже в мае он оказывается в Сербии. Об этом своем маршруте Н. Н. Глубоковский пишет в декабре 1922 года в Астрахань проф. А. А. Дмитриевскому, где тот перед возвращением в Петроград пытался создать себе условия для академической деятельности.⁴² В мае 1923 года Глубоковские покидают Сербию. В связи с созданием Богословского факультета Софийский университет предлагает Н. Н. Глубоковскому занять место ординарного профессора. Это предложение обусловлено европейской известностью ученого и особой любовью к нему со стороны болгарских иерархов, многие из которых обучались в духовных академиях дореволюционной России и с честью несли наименование «русских воспитанников». С нового учебного года и до своей кончины Н. Н. Глубоковский возглавляет на Богословском факультете кафедры Священного Писания Нового Завета и Греческого новозаветного языка.

На протяжении всего своего пребывания в Болгарии Н. Н. Глубоковский состоял в переписке с митрополитом Варненским и Преславским Симеоном (Попниколовым, 1840–1937).⁴³ В раннем из 13 писем, адресованных митрополиту, Н. Н. Глубоковский писал:

Я вместе с женой только что приехал в Софию и спешу принести благодарность Вам за Ваше доброе участие. К сожалению, мы оба чувствуем себя совершенно больными. Немощи наши смущают нас, но утешает внимание болгарских иерархов. Позвольте надеяться на Ваше милостивое расположение и просить Ваших святых молитв о рабах Божиих Анастасии и Николае.⁴⁴

Именно это расположение и молитвы, по всей видимости, и помогли Н. Н. Глубоковскому на чужбине найти силы для систематической на-

⁴² ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 409. Л. 5.

⁴³ В Национальном архиве Болгарской Академии наук (НА БАН. Ф. 144 К. Оп. 1. № 312) хранится переписка митрополита Симеона (Попниколова) с Н. Н. Глубоковским, относящаяся к периоду с 1923 по 1936 г.

⁴⁴ Письмо Н. Н. Глубоковского от 17 июля 1923 г., НА БАН. Ф. 144 К. Оп. 1. № 312. Л. 1–2.

учной и преподавательской работы. Превозмогая скорби, многие из которых были связаны с немощами телесными, Н. Н. Глубоковский смог взрастить плеяду болгарских учеников, любовно называвших его «дедушкой», привить им любовь к церковной науке.

Вскоре после переселения Н. Н. Глубоковского в Софию 14 июня 1925 года Русской академической группой в Болгарии было устроено настоящее его чествование. С очевидностью можно сказать, что 35-летие научной деятельности Н. Н. Глубоковского, названное юбилеем, было инициировано множеством друзей и почитателей ученого. Пальма первенства, несомненно, принадлежала протопресвитеру Георгию Шавельскому (1871–1951) и профессору Михаилу Георгиевичу Попруженко (1866–1943), которых поддержал «русский воспитанник» ректор Софийского университета Св. Климента академик В. Н. Златарский (1866–1935).

Через пять лет, в 1930 году, Совет Православного богословского института в Париже посвятил второй выпуск сборника «Православная мысль» 40-летию ученой деятельности Н. Н. Глубоковского. Во вступлении к сборнику юбиляру желалось

сохранить полноту своих сил до желанного дня возвращения в освобожденное отечество, чтобы там опять со славою и честью послужить родной церкви и русской науке.⁴⁵

Такое почитание Н. Н. Глубоковского не было случайным. Многие русские богословы и религиозные деятели лишь в зарубежье по-настоящему сблизились с Николаем Никаноровичем, оказавшимся в числе тех, к кому митрополит Евлогий (Георгиевский) обратился с просьбой содействовать в деле создания высшей православной русской школы во Франции.⁴⁶

* * *

Отношения Н. Н. Глубоковского с давно знакомыми ему российскими коллегами в эмиграции складывались по-разному. Среди дореволю-

⁴⁵ *Православная мысль. Труды Православного богословского института в Париже.* Вып. 2. Париж 1930, 9.

⁴⁶ См.: Иеромонах Петр (Еремеев), *Софийский архив Н. Н. Глубоковского...*, 154.

ционных друзей Н. Н. Глубоковского был проф. Киевской духовной академии, а впоследствии Киевского университета М. Э. Поснов (1873–1931). До революции в России с ним у Н. Н. Глубоковским были самые добрые отношения, о чем свидетельствуют переписка, завязавшаяся в связи с сотрудничеством в «Православной богословской энциклопедии».⁴⁷ Но когда Н. Н. Глубоковский письменно обратился к Поснову, жившему в Болгарии с 1919 года, с вопросом о возможности найти для себя там место, тот ответил весьма пространственным письмом о невозможности осуществления такого плана.⁴⁸ В 1923 году воспользовавшись приглашением своих бывших учеников — «русских воспитанников», некоторые из которых к тому времени были уже иерархами Болгарской Церкви, Н. Н. Глубоковский получает профессорское место в Софии на новооткрытом Богословском факультете. И они с М. Э. Посновым оказываются соседями по лестничной площадке.⁴⁹ Вскоре между ними прерывается всякое общение. Когда почтальон приносит корреспонденцию одному из них и, не застав его дома, обращается к соседу, то последний отказывается передать что-либо своему бывшему доброму знакомому.⁵⁰

Однако, как это ни странно, именно с семьей Посновых связана судьба части архива Н. Н. Глубоковского. Как отмечалось ранее, исключительный интерес представляют не увидевшие свет большие по объему работы Н. Н. Глубоковского, подготовленные им к печати в эмиграции.⁵¹ Стоит упомянуть лишь «Евангелие христианской святос-

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 731.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Профессорские квартиры размещались на верхнем этаже над Богословским факультетом университета Святого Климента Охридского на площади Святой Недели (№ 19).

⁵⁰ Существует небольшая по объему брошюра, озаглавленная автором так: «Суждения г. профессора Михаила Поснова о Болгарии и некоторых болгарских учреждениях и деятелях (по его письмам к профессору Н. Глубоковскому). Вынужденное издание профессора Н. Глубоковского (на правах рукописи). Град София. 1926 г.» с грифом: «Доверительно для личного пользования», содержание которой объясняет многое в отношениях двух бывших друзей.

⁵¹ Прот. Борис Даниленко, Русские богословы и церковные историки в европейской эмиграции XX века // *Церковно-исторический вестник* 1999, № 4-5, 230.

ти. Толкование на послание к Евреям» (2603 рукописных страницы), «Христос Искупитель. Церковь Христова и искупленный человек. По посланиям св. апостола Павла» (320 рукописных страниц), «Пастырско-искупительное служение Христа Спасителя и пастырские послания» (174 рукописных страницы), относящиеся к области новозаветной экзегетики, а также «Объяснительный библейский словарь» (2536 рукописных страниц). Известно, что перечисленные выше рукописи в 1949 году находились в Софии в распоряжении наследника Н. Н. Глубоковского Ивана Кондратьевича Пучкова.

О наличии этих работ Н. Н. Глубоковского и об опасности их «ухода» из поля зрения священноначалия сообщал в своем письме от 12 мая 1949 года в Московскую Патриархию настоятель Болгарского подворья в Москве архимандрит Мефодий (Жерев):

Нужно сказать, И. К. Пучков человек уже старый и нездоровый, а по его завещанию насл<едница> — Ирина Михайловна Поснова, дочь М. Эм. Поснова, которая после смерти отца перешла к католикам и сейчас нах<одится> на службе учительницей ордена Souer Blanches Missionnaires <Narent, Belgique>. Она настаивает получить эти рукописи сейчас же.⁵²

По сообщению Г. Л. Андреева, болгарский профессор Борис Маринов 21 июля 1960 года писал И. М. Посновой (1914–1997), возглавлявшей католическое издательство «Жизнь с Богом», о том, что она имеет все права — как моральные, так и юридические — на издание ряда работ Н. Н. Глубоковского, в соответствии с волей его «душеприказчика» И. К. Пучкова. Супруга М. Э. Поснова Елена Григорьевна (1888–1966) незадолго до смерти⁵³ передала часть рукописного наследия Н. Н. Глубоковского митрополиту Николаю (Еремину, 1892–1984), возглавлявшему в то время экзархат Русской Православной Церкви в Западной Европе. Можно предположить, что митрополит Николай, не видя возможности осуществления издания этих рукописей силами Москов-

⁵² Это письмо хранится в архивной части библиотеки Московской духовной академии (Сергиев Посад); в угловых скобах мною даны сокращения и уточнения к тексту письма.

⁵³ По всей видимости, в 1962 или 1963 годах.

ского Патриархата и одновременно желая содействовать их выходу в свет, передал их в США, где они оказались в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (Русская Православная Церковь Заграницей). В 1966 году одна из них — «Благовестие христианской славы в Апокалипсисе св. Апостола Иоанна Богослова: Сжатый обзор» — была издана там в типографии преп. Иова Почаевского с предисловием архиепископа Аверкия (Таушева, 1906–1976), ректора Свято-Троицкой семинарии. По свидетельству автора предисловия предполагалось там же осуществить издание другого труда Н. Н. Глубоковского — «Библейского энциклопедического словаря», хранившегося тогда в семинарском архиве.⁵⁴

* * *

В 1927 году произошло печальное разделение русской православной общины в Софии.⁵⁵ Епископ (впоследствии — архиепископ) Серафим (Соболев, 1881–1950), служивший в русском храме Святителя Николая, стал духовным лидером тех русских клириков и мирян, которые желали быть в каноническом общении с иерархами Русской Православной Церкви Заграницей, возглавляемой митрополитом Антонием (Храповицким, 1863–1936). Те, кому такое подчинение казалось не вполне каноничным, в первую очередь по причине непримиримой позиции по отношению к иерархии Русской Православной Церкви, совершавшей свое служение в «коммунистической России», сгруппировались вокруг протопресвитера Георгия Шавельского, служившего в софийском храме Святых Седмочисленников и поддерживавшего каноническое общение с митрополитом Евлогием (Георгиевским, 1868–1946), вышедшим после 1925 года из подчинения Синоду РПЦЗ. Среди материалов Русского зарубежного исторического архива в Праге хранится подробный машинописный отчет, подготовленный для Синода Рус-

⁵⁴ Очевидно речь идет о вышеупомянутом труде Н. Н. Глубоковского. По сообщению диакона Владимира Цурикова, заместителя декана Свято-Троицкой семинарии (Jordanville, N. Y.), есть надежда, что подготовка к печати *Библейского словаря* Н. Н. Глубоковского завершится в ближайшее время.

⁵⁵ Тогда в Софии и в непосредственной близости от нее проживало около двух тысяч русских.

ской Православной Церкви Заграницей, о «собрании группы Софийских прихожан», состоявшемся 24 июля 1927 года.⁵⁶ В этом отчете говорится о роли, которая отводилась Н. Н. Глубоковскому в деле установления канонических отношений с митрополитом Евлогием, в связи с предполагавшейся поездкой профессора в Швейцарию для участия в Лозаннской конференции.

В Софийском архиве Н. Н. Глубоковского есть документ, со всей определенностью свидетельствующий о нежелании Николая Никаноровича иметь какие-либо дела со сторонниками митрополита Антония (Храповицкого), чьи интересы в Болгарии в то время представлял епископ Серафим (Соболев). Документ этот — «циркулярное» письмо последнего⁵⁷, адресованное Н. Н. Глубоковскому, с вопросом:

Кого Вы признаете над собой впредь до возобновления нормальной жизни в России, законной Высшей церковной властью — митрополита ли Евлогия, или же Собор Русских Епископов за границей и его исполнительный орган — русский Архиерейский Синод?

и двумя резолюциями Н. Н. Глубоковского:

Получено 1927, X, 11 (вторник) в 17 с 1/4 ч. дня. Ответа не дано и не будет. Н. Глубоковский

1927, X, 14 (1) — пятница — в 7 ч. вечера приходил ко мне на квартиру человек и подавал мне письмо со словами: «Пакет от Владыки», но я его не взял и просил передать, что я никаких «пакетов от Владыки» не принимаю. Н. Глубоковский.

Со всей определенностью высказывался в своих воспоминаниях Николай Никанорович о тех, кто еще в дореволюционной России занимал

⁵⁶ ГАРФ. Р-6711. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 152–158.

⁵⁷ Машинопись на листе «папиросной» бумаги, автограф епископа Серафима от 10 октября 1927 г. См.: Иеромонах Петр (Еремеев), Софийский архив Н. Н. Глубоковского ..., 154.

ся делами далекими от созидания церковного, а на чужой стороне вовсе принялись «разорять церковное единство».⁵⁸

* * *

Известно, что Н. Н. Глубоковский поддерживал переписку с некоторыми учеными коллегами, жившими в Советской России. Хотя документальные свидетельства такой связи с середины 1920-х годов почти отсутствуют, нам удалось обнаружить в фонде проф. Н. И. Кареева письмо Н. Н. Глубоковского, направленное ему из Софии 12 февраля 1930 года, с просьбой уточнить цитату и имя автора, которому она принадлежит по недоступному для корреспондента источнику.⁵⁹

В начале 30-х годов Русский Заграничный Исторический Архив в Праге письменно обращался ко многим представителям культурной части русской диаспоры с просьбой получить от них биографические сведения или воспоминания о выдающихся личностях, с которыми первым довелось встретиться на жизненном пути. Такое письмо получил и Н. Н. Глубоковский. В своем ответе 16 января 1933 он писал:

Я всегда был ближе к книгам, чем к людям — за исключением моих учеников, к которым всецело и неизменно относился с чувством, столь прекрасно и трогательно выраженным у св. Апостола Иоанна Богослова в 3-м его послании (ст.4).⁶⁰ Будучи одинокий по натуре, я замыкался в своем рабочем кабинете и сосредотачивался на трудах педагогически-профессорского и научно-литературного служения ... Естественно, что у меня не было близких связей с «великими людьми». За последнее время я мог бы причислить к таким покойного архиепископа Упсальского (в Швеции) Natahn'a Söderblom'a († 1931, VII, 12), который в наши смутные дни враждующих страстей был наилучшим выразителем творчески-объединяющего и внутренне примиряющего челове-

⁵⁸ Н. Н. Глубоковский, Из ненапечатанного архива ..., 178.

⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 119. Картон 15. Ед. хр. 204.

⁶⁰ *Больши сея не имам радости, да слышу моя чада во истине ходяща* (3 Ин. 4).

чество христианского духа; в этом смысле будут напечатаны о нем (по-шведски) мои краткие воспоминания.⁶¹ Из прежних деятелей соприкосновенной области находил бы необходимым более объективно и совестливо осветить личности Антония (Вадковского), митрополита С.-Петербургского и Ладожского († 1912, XI, 2), и обер-прокурора К. П. Победоносцева († 1907, III, 10), ибо по моему мнению, первого напрасно объявили каким-то сомнительным «либералом», а второго совсем ложно провозгласили «тираном» и «мракобесом» — разница, даже противоположных взглядов не должна затемнять правду, без которой нельзя и ... не стоит жить на свете, где все человеческое относительно.⁶²

Эти обещания Н. Н. Глубоковский смог выполнить. В большей мере митрополиту Антонию и в меньшей К. П. Победоносцеву отведено особое место в его воспоминаниях «С.-Петербургская духовная академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы» (Сремски Карловцы 1936).

Следует заметить, что Н. Н. Глубоковский, принимавший с середины 1920-х годов активное участие в работе многих православных и межконфессиональных конференций и встреч, был любим и знаем многими западными богословами. Архиепископ Упсальский Натан Сёдерблум несомненно занимал в числе таких друзей Николая Никаноровича особое и самое почетное место. Как замечал сам Н. Н. Глубоковский:

Я настолько и так искренне превозношу его, что милый отец С. Н. Булгаков с добродушной шутливостью говорил мне в Лозанне, что сверх обычных православных догматов у меня есть новый — пиэтистического содербломизма.⁶³

⁶¹ Н. Н. Глубоковский, Архиепископ Натан Сёдерблум, как христианский и «экуменический» деятель: (По личным впечатлениям, наблюдениям и воспоминаниям) // *Til minnet av. / Under red. av Sven Thulin. Uppsala, 1933, 165-183* (Hågkomster och livsintryck, 14). В качестве приложения к настоящей работе мы воспроизводим русский текст этих «кратких воспоминаний».

⁶² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. № 276. Л. 2-3.

⁶³ Н. Н. Глубоковский, Из ненапечатанного архива ..., 196.

Перечень международных богословских форумов, в которых принял участие Н. Н. Глубоковский, достаточно велик. Замечательной представляется характеристика, данная ему Николаем Арсеньевым в статье «Лозанская конференция»:

Среди православных внушал невольное уважение своею мудростью, христианской терпимостью и религиозной глубиной, соединенной с огромной ученостью (но эта ученость почти не чувствовалась — так она была органична, так она сливалась с глубоким благочестием сердца) проф. Глубоковский.⁶⁴

* * *

По свидетельству А. Н. Игнатъева,⁶⁵ автора первой из появившихся в России после смерти Н. Н. Глубоковского статьи о нем, за два дня до кончины Николай Никанорович исповедался и причастился Святых Христовых Таин.⁶⁶ Эту последнюю исповедь на 1-й седмице Великого Поста принял иеромонах Мефодий (Жерев).⁶⁷ Умер Н. Н. Глубоковский 18 марта 1937 года в ночь с четверга на пятницу. Отпевание было совершено в два часа по полудни 21 марта в храме Святой Недели в центре Софии рядом с Богословским факультетом. Чин отпевания, в сослужении клириков Болгарской церкви, совершил митрополит Софийский Стефан († 1957),⁶⁸ положивший на тело покойного горсть русской земли, взятой им при прощании с Родиной в 1921 году на Ни-

⁶⁴ Н. С. Арсеньев, Лозанская конференция // *Путь* №10, 1928, 105.

⁶⁵ О нем см.: А. Л. Казем-Бек, Кончина Андрея Николаевича Игнатъева // *Журнал Московской Патриархии* 1973, № 12, 24–26.

⁶⁶ А. Н. Игнатъев, Памяти проф. Н. Н. Глубоковского ..., 71.

⁶⁷ Впоследствии архимандрит († 1993), бывший настоятелем подворья Болгарской Православной Церкви в Москве, а с 1957 г. — настоятелем подворья Русской Православной Церкви в Софии.

⁶⁸ Стефан, митрополит Софийский, † Профессор Д-ръ Н. Н. Глубоковски (Стенографирана реч при опелото на покойния) // *Църковен вестник*. София 26 марта 1937. Брой 13, 145–149. То же в русском переводе: Профессор доктор Н. Н. Глубоковский. Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном, при отпевании профессора Н. Н. Глубоковского в Софийском Кафедр.

кольском кладбище Александро-Невской Лавры. Знаменательно, что день этот был 1-м воскресением Великого поста, когда празднуется Торжество Православия. Погребен Н. Н. Глубоковский на русском участке городского кладбища в Софии.

После кончины Н. Н. Глубоковского ряд болгарских и русских зарубежных изданий опубликовал заметки о почившем. Почти в каждой из этих публикаций говорилось о наследии Глубоковского, давался перечень его неизданных из-за отсутствия средств работ,⁶⁹ исчислялись отдельные сочинения и статьи, упоминались бывшие студенты по Санкт-Петербургской духовной академии.⁷⁰ Личная библиотека Н. Н. Глубоковского (около двух тысяч томов) была передана вдовой покойного Св. Синоду Болгарской Церкви. Во время бомбежки Софии в конце Второй мировой войны эти книги были уничтожены пожаром.⁷¹ Сам архив Н. Н. Глубоковского уже в послевоенные годы существовал в виде нескольких собраний, разрозненно хранившихся в частных руках.

* * *

В день своего чествования в Софии 14 июня 1925 года Н. Н. Глубоковский, отвечая на многочисленные приветствия друзей и коллег,

Соборе 21 марта 1937 года // *Церковный вестник Западно-европейской епархии. Le Messager de l'Église Russe à l'étranger* № 6-7, Paris 1937, 10-14.

69 «О послании к Евреям ..., Русское богословие ..., Школа и просвещение в России при социалистах ..., Академические обеты и заветы ..., О Русской Церкви после революции и др.» См.: Свящ. Александр Чекан, Профессор Н. Н. Глубоковский // *Церковный вестник Западно-европейской епархии. Le Messager de l'Église Russe à l'étranger* № 3-4, 1937, 13.

70 «Наместник председателя Св. Синода Болгарской церкви митрополит Видинский Неофит, митрополит Охридский Борис, митрополит Старо-Загорский Павел, Патриарх Сербский Варнава, архиепископ Афинский Хризостом, ректор Афинского университета проф. Папамихаил, секретарь Патриаршего Константинопольского Синода Антониадис». См.: Протопресвитер Стефан Цанков, † Професоръ Н. Н. Глубоковски. Единъ големъ руски ученъ // *Църковен вестникъ*. София 26 марта 1937. Брой 13, 149.

71 А. Н. Игнатъев, Памяти Н. Н. Глубоковского ..., 72.

произнес со свойственными ему мудростью и смирением слова, которые кажутся нам лучшим выражением жизненной позиции великого православного ученого и настоящего христианина:

Я вовсе не святой ни в каком смысле, а самый последний из грешников ... Если что-нибудь и сделано по связи с моим именем, то не мною, но лишь через меня и только по благодати Божией и при помощи добрых людей, без чего я — по условиям моего горького детства был бы ныне просто деревенским пастухом, хотя и в этом случае никогда не сделался бы современным «пролетарием», бунтующим против всего мира, вместо себя самого ...⁷²

⁷² 35-летие ученой деятельности профессора Николая Никаноровича Глубоковского. София 1925, 52–53.

НИКОЛАЙ ГЛУБОКОВСКИЙ

АРХИЕПИСКОП НАТАН СЕДЕРБЛЮМ, КАК ХРИСТИАНСКИЙ
И «ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ» ДЕЯТЕЛЬ

(По личным впечатлениям, наблюдениям и воспоминаниям)

ПУБЛИКАЦИЯ ПРОТОИЕРЕЯ БОРИСА ДАНИЛЕНКО

Предварительное замечание

Очерк Н. Н. Глубоковского об архиепископе Упсальском Натане Сёдерблуме публикуется впервые по авторской рукописи из *Софийского архива Н. Н. Глубоковского*, хранившегося у частного лица в Болгарии и в 2002 г. переданного в Московскую духовную академию. Рукопись содержит 52 нумерованных листа, сшитых в тетрадь, размером 17 x 21 сантиметр. Основной текст (фиолетовые чернила) расположен на оборотной стороне нумерованных листов за исключением 1-го — титульного, содержащего заглавие статьи и эпиграф. Карандашные примечания и пометы автора даны напротив относящихся к ним мест основного текста на лицевой стороне листов. Несколько фрагментов рукописи (листы с 3-го по 13-й) повреждены вырезкой посредством острого предмета (возможно бритвы) отдельных слов или целых фраз. Можно догадаться, сообразуясь со смысловым контекстом этих купюр, что такие «механические изъятия» произведены «страха ради» перед «компетентными органами» Народной республики Болгарии при желании сохранить рукопись до лучших времен, в которые мы, очевидно, и живем.

Рукопись направлялась автором для перевода на румынский язык для последующей публикации силами Румынской Православной Митрополии в Черновцах (Буковина), о чем свидетельствует карандашная запись неизвестного лица по-румынски «Dlui Alex. Bogdaneț, licențiat. Resedinția Mitropolitană. Internatul teologie. Cernăuți» на титульном листе, ряд примечаний Н. Н. Глубоковского (см. 5-е и 33-е примечания настоящей публикации) и его карандашная помета на обороте последнего — 52-го листа: «Получил обратно. 1933, III, 12 (II, 27)

— воскресенье. Н. Глуб». В 1933 г. очерк увидел свет в переводе на румынский язык — *Archieiscopul Nathan Soëderblom ca activist creștin și "ecumenic"*. (*După impresii personale, observațiuni și amintiri*) — на страницах выходившего в Кишиневе журнала *Missionarul: Revistă lunară a Misiei Ortodoxe Române* (Chișinău, 1933, № 7-8, 387–406), и в переводе на шведский язык в составе *Til minnet av* под редакцией Sven Thulin (Uppsala, 1933, *Hågkomster och livsintryck*, 14, 165–183).

Текст рукописи публикуется в соответствии с современными правилами правописания и пунктуации русского языка с учетом особенностей авторского стиля Н. Н. Глубоковского и оговоренных им в примечаниях принципов издания. Номера глав и стихов Священного Писания приводятся в соответствии с современной традицией арабскими цифрами. Названия библейских книг указываются по-русски в принятых ныне сокращениях. Славянский и русский библейский текст, а также церковнославянизмы выделены курсивом. Авторские примечания, содержащиеся в рукописи, полностью приводятся в подстрочнике, включая те, которые лишь уточняют неразборчивое написание отдельных слов ее основного текста. Примечания, сделанные мной, также даны в подстрочнике (с пометой — *Прим. публикатора*). Поврежденные фрагменты рукописи — «вырезки» — отмечены в публикации прямыми скобками с отточием [...].

Протоиерей Борис Даниленко

* * *

Μνήμη δικαίων μετ' ἐγκωμίων.

Ргов. 10, 7.¹

Архиепископ Натан Сёдерблом: — это ² имя совершенно неожиданно вплелось в самое существо моей позднейшей жизни, и составляет наилучшее украшение и самое отрадное утешение наиболее печального ее

¹ Соответствующий славянский текст Библии: *Память праведных с похвалами* (Притч. 10, 7). — *Прим. публикатора*.

² Что на полях карандашом, — то не вносить в текст нимало, а лишь принимать во внимание при переводе. Католик = katholik; кафолик = kaolík (θ греч. буква фита). Где называется просто Архиепископ (без всяких прибавлений), — писать и печатать с большой буквы.

периода. Это верно и в личном отношении и в принципиальном смысле. Кратко расскажу то и другое по непосредственным впечатлениям и по собственным наблюдениям.

I

В среду 6 марта (21 февраля) 1918 г. я получил в Петрограде следующую телеграмму из Упсалы: «Fondation Olaus Petri vous invite donner conferences dav is Université septembre. Soederblom». Это была для меня совсем непонятная загадка. Внимательно следя за иностранною научно-богословской литературой, я не искал и не имел за границей широких персональных связей. На Западе были у меня лишь знакомые имена, но не близкие лица, и судьбою их я интересовался только для того, чтобы отметить в своей библиографии научно-профессорское повышение или кончину известного автора. А с 1914 г., — когда стихийно разразилась военная буря, — весь Запад целиком исчез из моего взора и слуха за дымными завесами и орудийным грохотом международного безумства ... Я знал «Сёдерблюма» лишь по его талантливой диссертации о маздеизме (*La vie future d'après le Mazdéisme*. Paris 1901) и о всем прочем не ведал нимало. А об Olaus-Petri-Stiftels'en я мог разыскать некоторые смутные данные единственно в Упсальских чтениях проф. Ad. Deissmann'a об Апостоле Павле (Tübingen 1911).

Все это не располагало меня к утвердительному ответу, которого не вызвали прямо и дальнейшие разъяснения в письмах Архиепископа и в сообщениях Шведского посольства, служившего в Петрограде благожелательным посредником. Н. Сёдерблюм слишком много во мне предполагал, а я почти ничего не понимал. Отсюда возникали неизбежные недоразумения касательно цели моей поездки и задачи моих чтений. С другой стороны, и на Западе было еще столько всякой запутанности, что нельзя было точно ни рассчитывать, ни предвидеть. Планы Н. Сёдерблюма, естественно, менялись, — и, не имея возможности установить их прочно, он должен был ограничиться кратким призывом: «Приезжайте, — здесь устроим». Все расходы были гарантированы.

Но для меня трудности были почти непреодолимыми. Меня звали в качестве представителя православной России, но на это я не имел права, а Патриарх Тихон мне его не давал, не будучи достаточно

осведомлен о планах Упсалы, где задумывали какую-то междуцерковную конференцию. Пришлось удовольствоваться тем, что с его соизволения митрополит Петроградский Вениамин (Казанский, умер³ 1922, IX, 4) снабдил меня своей «церковной» рекомендацией. Выбор и составление лекций оказались весьма нелегкими. [...] уже начал вполне проявлять [...] ⁴ во всем [...]. Моя душа была «не на месте», и если я был к чему-либо способен то лишь [...]кому обличению и решительной [...] во имя правды и истины против неистовствовавшего зла. Теперь для меня ясно, что подобные трактации были просто «неудобны», но тогда я настаивал на них, присоединив два дополнительные курса — о православной униональности и о русской богословской учености. За трудностью сношений приходилось и здесь отложить решение до прибытия в Швецию, но разве не было огромным риском ехать в неведомую Упсалу для университетских чтений с одними эскизами и конспектами?..

[...] моя служба везде прекратилась, я не имел и не мог оставить никаких средств содержания или обеспечить хоть малейшую защиту моей жене, а она от природы была слабая и болезненная, совсем не приспособленная [...] на них ни малейшего внимания, бросая все документы в мусор. Усилия Шведской миссии, дававшей необходимые гарантии, не имели успеха, и лишь окольными путями через разные таинственные посредства удалось добиться дозволения на годичную командировку в Скандинавию, Англию и Европу.

Отовсюду были целые тучи препятствий, не обещавших ничего хорошего ни мне, ни близким моим, — без всякой пользы междуцерковному делу, для меня тогда весьма туманному. Наоборот [...]. Посему я все время колебался и, тем не менее, продолжал вести переговоры, не соглашаясь прямо, но и не отклоняя категорически, хотя у меня лично никакой охоты на поездку не было, и я — скорее — рад был бы благовидно избавиться от нее. Для меня самого было крайне удивительно подобное раздвоение, когда простой здравый смысл при-

³ Слово «умер» вписано почерком неизвестного лица поверх выскобленного начального варианта написания, по всей видимости — «был расстрелян». — *Прим. публикатора.*

⁴ Из церковной песни.

нудительно склонял к безусловному отказу ... Я чувствовал, что меня «влечет неведомая сила», превосходящая все внешние преграды, как солнце притягивает отдаленные частицы, — и это была сила покоряющей любви, которая неотразимо и захватывающе действовала на меня во всех обращениях Архиепископа.⁵

Я повиновался и с паспортом от 12 августа 1912 г.⁶ выехал на пароходе 3 сентября, немало помучался в пути и лишь 7 числа попал в Стокгольм, а с Н. Сёдерблюмом свиделся в Упсале уже 12 сентября. Он лично встретил меня (вместе с досточтимым проф. И. А. Люнде-лем⁷, прекрасно владеющим по-русски) на самом вокзале и сейчас же ввел в свою семью, где я сразу оказался в атмосфере приятельского внимания и сердечного сочувствия, а парадный обед, начатый молитвою и законченный совместным благодарением Богу, производил впечатление первохристианской трапезы. Я отогревался от [...] для братской солидарности в общечеловеческой любви. Наряду с этим обнаружилось, что обо мне *предусмотрели* еще и *нечто лучшее*.⁸ Зная, что я истощен физически и истерзан душевно, меня устроили гостем в имение Kiplingeberg (близ Упсалы) в благородную фамилию Engestrom'ов, где дочь Stanny (ныне m-me Fort), много работавшая в Австрийских лагерях русских военнопленных, хорошо говорила по-русски и усердно служила мне доброй и милой руководительницей. Там я провел целый месяц в совершенном довольствии, душевном и телесном, вполне окреп и достаточно ориентировался во всей обстановке, пригодное из своих материалов обработал для лекций (с несколькими фразами даже по-шведски) и в свое время (30 сентября и 2, 4 октября) благополучно прочитал их.

Все время Архиепископ как благостный Ангел-хранитель заботился обо мне, наставляя, направляя и предупреждая с самой ласковой внимательностью и неподражаемой приветливостью. Но неожиданно страшась надо мной великая беда. Жена писала мне (через Шведскую

⁵ Во всех случаях, где встречается слово «Архиепископ», прошу – в переводе – и писать и печатать с большой буквы.

⁶ Очевидно описка. Следует читать – 1918 г. – *Прим. публикатора*.

⁷ Dr. Iohan August Lundell.

⁸ Ср. Евр. 11, 40.

миссию, или чрез оставшихся в Петрограде членов ее) о крайне тяжелом положении, грозившем [...] у себя на квартире или [...], — и я рвался домой при первой возможности. Той порой ввели «экономическую блокаду», не коснувшуюся [...] и пагубную только для мирного населения, и прервали всякое сообщение с Россией, предоставив [...] всецелый простор [...]... Мы с женой оказались совсем оторванными друг от друга и лишены были возможности даже умереть вместе, чего тогда желали оба ... Нельзя было проникнуть дальше Финляндии, но и оттуда не открывалось выхода хотя бы в том смысле, чтобы вызвать к себе жену из Петрограда или помочь ей материально, ибо не было у меня ни денег, ни связей. Я должен был подчиниться жестокой необходимости, связанной с мучительной агонией отчаяния ... Опять благодетельнейший Архиепископ спас мою немощь. Он поместил меня в добрую семью и ввел в круг молодых университетских доцентов и начинающих научных работников, где я сразу приобрел и доселе имею преданных и дорогих мне друзей, среди которых я отдыхал и освежался душой, почерпал бодрость и уверенность, а для занятий и заработка Н. Сёдерблум устроил меня в милую «Carolina» для разбора и описания старославянских книг и рукописей (преимущественно из собрания И. Г. Спарвенфельда⁹). Дом Архиепископа был всегда открытым для меня прибежищем духовного отдохновения и ободрения, а сам он — неизменным утешителем во всех скорбях и печалях. До сей минуты переживаю трепетное умиление, вспоминая, как узнав [...], Архиепископ пригласил меня и проф. Ad. Deissman'a в собор вместе помолиться пред алтарем о новых [...] там в общей молитве мы просили у Господа милости и мира для страждущих душ. Я крайне томился, но мог жить в анестезирующем самозабвении и смутном ожидании, хотя нигде не видел спасительной точки. Однако Н. Сёдерблум продолжал всякие попытки и, в конце концов, откуда-то разузнал, что на специально зафрахтованном пароходе отправляется из Стокгольма в Петроград партия [...], и между ними я могу попасть домой безопасно. Вся сложная и тонкая операция эта осуществлена исключительно дипломатический ловкостью Н. Сёдерблума, и — снабженный всем необходимым и некоторым запасом крон [...] — 28 ноября я выехал из Стокгольма, но только 9 декабря добрался до Петрограда.

⁹ Iohan Gabriel Sparwenfeld.

Везде сопутствовал мне благостный гений Архиепископа, а здесь его влияние механически прерывалось. Между тем [...] была гораздо [...].

[...] Надо было бежать. Но все усилия оказались тщетными. Ходатайства университета, Академии Наук о заграничной командировке оставались безответными, а других выходов не было. Мы считали себя уже обреченными и забытыми всеми и повсюду, но Н. Сёдерблум слишком нас помнил и принимал свои меры. За отсутствием всяких отношений с Петроградом, он нашел путь туда при участии моего бывшего ученика, тогда министра иностранных дел Эстонской республики Ado Virk'a и прислал через него самые торжественные и формальные приглашения для чтений в Упсальском Университете и для разных научных занятий. Результата, по-прежнему, никакого, но психологически было важно знать, что мы не брошены окончательно и о нас стараются со всей ревностью христиански-братской любви, которая не может оставаться бесплодной. Так и случилось. Дальнейшие наступления поведены были Н. Сёдерблумом через Финляндию, где нашлись добрые люди со старыми (аполитическими) связями и влияниями среди [...]них [...]. Ради нашего высокого Упсальского патрона они употребили все свои усилия в нашу пользу, — и 29 (16) августа 1921 г. мы переселились в Финляндию, а там — после двухнедельной карантинной изоляции — получили полную свободу. Надежды воскресли, но ненадолго. Не смотря на близость от Петрограда, я совсем не бывал даже в пограничных Финляндских пунктах и не имел ни друзей, ни покровителей, а ничтожные денежные средства быстро исчезали еще в карантине. Теперь начиналась борьба за жизнь, но для этого не было ни малейшего простора в бедной русофобской стране. Мы оказались освобожденными узниками, совершенно обессиленными и лишенными всяких способов сносного существования, после тюремной темноты ослепленные солнечным блеском ... Но уже из карантина удалось снестись с Упсалой, и сразу по водворении в г. Выборге мы получили оттуда солидный чек с обещанием, что впредь до устройства будем ежемесячно получать достаточную денежную субсидию, а в разных финских кругах (университетских и церковно-иерархических) там были обеспечены благожелательные связи. Все это опять же было делом самоотверженной попечительности Н. Сёдерблума, который — помимо своего авторитетного влияния в разных странах и сферах — помогал материально и прямо и через моих добрых Упсальских друзей

(О. Österngren, G. Thörnell, A. Hj. Uggla и др.), не перестававших поддерживать меня во время беженских странствований и на местах моего жительства *даже до сего дне* (Мф. 28, 15) ... Благодаря всему этому я мог стать на ноги и уверенно двигаться в разных направлениях ради доступного мне педагогического служения в Праге, в Белграде и Софии, работать в научно-литературной области и принимать участие в междуцерковных униональных трудах, пока хватало сил ...

Для меня лично Н. Сёдерблум был благодетель и защитник, *помощник и покровитель во спасение*¹⁰ духовно и материально. Истинной отрадой моей и светлым воспоминанием доселе служит то, что я снялся с ним в Упсале у известного Finna'a в понедельник 1 октября 1928 г. Напротив, я непрестанно ношу в своем сердце величайшую скорбь, с тех пор, как — через несколько дней после бодрого делового письма от него — меня сразила неожиданная весть о его блаженной кончине¹¹, и я почувствовал себя на старости лет осиротевшим в здешнем мире после смерти младшего летами дорогого, незабвенного друга ... Вечная ему память!

II

Но во всех этих персональных отношениях, драгоценных лишь для меня контрастно обрисовываются основные черты всей личности и характера великого Архиепископа. Когда я воскрешаю перед собой его живой образ, мне всегда вспоминаются знаменательные слова нашей православной церковной песни о св. Николае Чудотворце, что он *стяжал смирением высокая*.¹² Не было большей духовной величины даже далеко за пределами Швеции, чем архиепископ Сёдерблум, и в то же время я не знаю другого человека его положения, который во всем поведении был столько скромнен и до такой степени держал себя просто.

¹⁰ Из церковной песни. — Прим. Н. Н. Глубоковского. Имеется в виду ирмос 1-й песни Великого покаянного канона святого Андрея Критского Троицы постной. — Прим. публикатора.

¹¹ Скончался 12 июля 1931 г. в Упсале. — Прим. публикатора.

¹² Тропарь 4-го гласа святителю Николаю Мирликийскому. — Прим. публикатора.

Он дружески подавал руку старшему служителю собора и собственноручно тащил на Упсальском вокзале мой чемодан и пристраивал удобнее в купе вагона, но все это было у него вполне натурально и всеми принималось с почтительной благодарностью. Все были рады этому доброму вниманию, но никто и не помыслил бы позволить¹³ подобную вольность со своей стороны, ибо каждый непосредственно чувствовал свое преклонение. Это было духовное величие, независимое от всяких внешних условностей и сильное лишь своею внутренней мощью, которая сияет и в переполненном вагоне третьего класса, как он отправлялся в 1927 г. из Лозанны после конференции, не имея даже места для сидения.

Но в подобных случаях индивидуальное превосходство часто подавляет других и принижает их самим своим снисхождением и покровительством. Ни тени этого рода не было у Н. Сёдерблума. Он обладал широким, острым умом, всесторонней и компетентной научной осведомленностью, практические таланты позволяли ему счастливо справляться с самыми запутанными делами и сложными отношениями, милый, благодушный, бодрый темперамент не изменял ему никогда при всяких осложнениях; но — готовый помогать всем — Архиепископ сам старался учиться у каждого и служить на общую пользу с полным забвением своих собственных интересов. Это было величие чисто апостольской любви, которая *долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор. 13. 4–7).

Такое величие неразрывно от всецелого самопожертвования, которое ярко отличало Н. Сёдерблума. Он сам работал для всех и на всех. Его труд начинался с раннего завтрака, куда он ежедневно являлся нагруженный корреспонденцией со всего мира, и прекращался совсем поздно, а поговаривали и так, что иногда Архиепископ поднимался среди ночи и диктовал своей верной сотруднице Fröken¹⁴ Genda Rodling, которая ездила с ним по разным конференциям со своей неразлучной машинкой ... Насчет его перегруженности работой и неу-

¹³ Т. е. по отношению к нему.

¹⁴ Fröken, т. е. барышня, девица.

томимости приятели благодушно трунили, что Н. Сёдерблум одновременно слушает кого-то и говорит с другим по телефону и в тоже время просматривает какую-нибудь книгу и диктует статью или письмо и т.п. Его пронизательный ум сразу схватывал сущность всякого вопроса, а благородное чуткое сердце всегда подсказывало верное решение во благо и на пользу делу. В последнем и ради испытанных друзей у него не было мелочей. Он все помнил, везде поспевал и всюду помогал, чтобы обеспечить заслуженный и справедливый успех. Испытал я на себе его любящую многозаботливость о моих житейских удобствах и служебном спокойствии в моем трудном положении беспризорного изгнанника, не имеющего нигде легальной защиты ... Напротив, сильные мира и обеспеченные средствами и рангом получали от него спокойный, но твердый отпор в своих излишних притязаниях, всегда назойливых и раздражающих. Пред ним все были равны по равенству для всех взаимной братской солидарности и в достижениях и в немощах. Это было равенство перед Богом во Христе Иисусе чрез Духа Святаго.

Основа величия Н. Сёдерблума заключалась в том, что во всем он был одушевленный христианин, и все у него совершалось *по Христе*.¹⁵ Его дом с многочисленным семейством, всегда переполненный «гостями», напоминал первохристианскую домашнюю церковь, где Архиепископ был первосвященником и вдохновителем, а кроткая, «святейшая» архиепископша Анна служила апостольской диакониссой, исполнительницей и раздавательницей всяких благих даров. Не могу без умиления вспомнить наших общих молитвенных собраний в 1918 году по вечерам, когда все мы — свои и «гости» из разных стран и племен — сходились вместе после ужина и под звуки органа читали — каждый на своем языке — известные части Нового Завета, начиная с Архиепископа, который говорил назидание и давал заключительно благословение. Это было нечто первохристианское из времен первой Пятидесятницы.

Таков дух, который проникал мысли, чувства, жизнь и деятельность Н. Сёдерблума. Тут было как бы отражение Христова смиренного мудрия и соответственного духовного превознесения (ср. Флп. 2, 5 ст.) с теми же целями — взаимного примирения в Едином Господе и

¹⁵ Кол. 2, 8.

Спасителе нашем. По своему христианскому настроению и пастырскому деланию Н. Сёдерблум принадлежал к тем *миротворцам*, которые — по обетованию Христову — *узрят Бога лицом к лицу*.¹⁶ И на земле он был одним из самых наидостойных, кто увенчан (в 1930 году) Нобелевской премией мира.

III

В широком масштабе эти особенности принимались и проявлялись и в «экуменических» подвигах приснопамятного Архиепископа. Эта сторона известна всему миру по историческим актам и фактам. Все желающие и интересующиеся могут сами *прийти и видеть* ...¹⁷ Ограничусь некоторыми личными наблюдениями и соображениями.

Как ученый историк религий, Н. Сёдерблум убежденно находил в них некое принципиальное единство. Тут ничуть не было у него общерелигиозного или интерконфессионального индифферентизма. Он держался святоотеческой идеи, что всем надо жертвовать ради мира в Боге, но в «вещах божественных» нельзя поступаться и пренебрегать ничем, как имеющим и обеспечивающим божественность. Он отправляется от бесспорного научного результата, что во всех исторических религиях есть нечто единое по существу, реальное и эссенциальное, а потому и требующее фактического обоснования в первоначальном для всех религиозном единстве. В этом отношении Н. Сёдерблум научно исповедывал библейскую истину божественного первооткровения, утраченного по греховности человеческой, но продолжающего просвещать и среди нашего Вавилонского разноверия. Научная совесть требовала возвращения к религиозному первоисточнику, чтобы в нем найти меру и цену для различных исторических течений ради взаимного их сближения. Разделение было онтологической абсурдностью, а отчуждение являлось моральной ненормальностью, тем более предосудительной в христианстве. По этому убеждению Архиепископ приглашал в собор на молитву и индусов Sadbu Sundar Singh'a и Рабиналдар Тагора¹⁸, и японскую принцессу, и абиссинского прин-

¹⁶ Сравни Мф. 5, 8–9 и 1 Кор. 13, 12. – *Прим публикатора.*

¹⁷ Ин. 1, 46.

ца, потом пожертвовавшего туда чрезвычайно оригинальную лампаду. Особенно болезненно воспринимались Н. Сёдербломом христианские обособления, вызванные *кичащим разумом*¹⁹ с забвением создающей любви, а страшная «великая война» христианских народов показали такое взаимное ожесточение, которое превосходит все границы человеческой злобы и постулирует к непримиримой духовной враждебности, воспитанной вековым религиозным антагонизмом.

В этом сущность современного мирового кризиса. Теперь это признают многие, но в начале все думали и говорили иное. Н. Сёдерблом понял давно, как истинный гений, который видит настоящее в свете его предварения и в предвестии должного продолжения, — живет реально и прежде, и теперь, и после. Как Архиепископу Упсальскому и примасу Швеции, ему открывалась и доступная возможность для практической работы, чтобы из порожденного минувшим хаоса собрать нечто целостное для благословенного будущего на почве примирения Христианства. Но задача была сколько грандиозная, столько же и совсем неподготовленная. Надо было подойти к ней с методической постепенностью. Этому и служили Упсальские университетские чтения на фонд имени великого Шведского реформатора. Они прежде были совсем незаметны и, во всяком случае, не имели особого международного содержания и значения. Н. Сёдерблом развернул их в екуменическую широту и проявил здесь феноменальную активность, заводя необходимые связи по всему миру, находя и добываясь нужных людей, организуя потребную обстановку на месте, изыскивая большие материальные средства на лекторов и на издательство. Затем возникла самая сложная задача — идейно направить все чтения к общей цели и избежать новой Вавилонской разноголосицы, способной только усугубить смуту. К этому сводились все напряженные усилия Архиепископа, но тут не было ничего тенденциозного, искусственного и вынуждающего. Намечался широкий круг идей, и в нем каждый мог выбирать отдельный предмет и трактовать его научно-объективно или

18 Имя лауреата Нобелевской премии по литературе Рабинграната Тагора (Rabingranath Tagore), состоявшего в дружеском общении с архиепископом Натаном Сёдербломом, воспроизведено автором с искажением. — *Прим. публикатора.*

19 Ср. 1 Кор. 8, 1.

конфессионально-примирительно. Таким образом, последовательно раскрывалось своеобразие всякой представляемой церковно-христианской организации, оригинальность в ее происхождении, исторической судьбе и современном богослужебно-догматическом состоянии, а равно в отношениях, взглядах и стремлениях касательно всех²⁰ других.

Когда все они устами своих исповедников обрисовались индивидуально и типически, тогда точнее определялись истинная униональная позиция и потребности всех в данном направлении. В этом случае главная трудность была не в самой разности, поскольку она у всех и всеми постулирована к историческому единству и могла претендовать в своем фактическом сепаратизме не свыше меры своеобразного исторического выражения общей истины Христовой, по которой должны были равняться все обособления и в ней примиряться. Именно этот фундамент укреплял Архиепископ и на нем успешно производил междуцерковное созидание. Православие гораздо ближе к католицизму догматически и во многом противоположно протестантству принципиально и исторически. Тем не менее, при взаимной примирительности, сравнительно легко достигалось согласие в вере без всяких религиозных самоотречений, ибо пока требовалась лишь симпатия без порабощения и поглощения. Ради сего Н. Сёдерблум всегда шел впереди первым и спешил признать всякую пригодную частную идею. Так, из моих Упсальских чтений 1918 г. он особенно запомнил и пустил в междуцерковный оборот мысль о том, что Христианство это есть как бы обширный дом со множеством комнат, где стены отделяют их, но не настолько высоки, чтобы преграждать им всякий доступ к Богу и объединяться в Нем. А данное мною истолкование «ортодоксии», как правого «славословия», он применил к церковному пению и ко введению его в богослужебный строй (ср. «Svenska Dagbladet», den 10 Maj 1927, Nr. 125), патронируя и развивая таковое особенно в величественном Упсальском соборе, куда для специальных религиозных концертов приглашались известные на Западе хоры (напр., при мне в 1918 году Берлинская капелла).

Не ограничиваясь лекционными заявлениями, Архиепископ старался получить нечто по связи с ними или сверх них. Во второй раз я держал свой курс в Упсале в 1928 г. исключительно по настоянию

²⁰ Слово «всех» повторяется в рукописи дважды. – *Прим. публикатора*

Н. Сёдерблума и лишь ради его поехал туда в сильном болезненном состоянии после тяжелого недуга. Протестантство началось догматически под прикрытием себя апостольским авторитетом св. Павла, и потому было весьма существенно раскрыть православный взгляд на этого «столпа Церкви» и его доктринальное исповедание. В этих интересах и были скомбинированы мною очерки о природе павлинизма, его этике и христологии. Последний пункт привлек живое внимание Архиепископа по его сакраментальному освящению в послании Евреям, как несомненно павлинистическом памятнике. Тут же на лекции (5 октября 1928 г.) Н. Сёдерблум вступил со мною в горячий colloquium о самом этом новозаветном документе и его доктрине первосвященнического служения Христова на земле и на небе. Поначалу наши точки зрения как будто расходились совершенно, но после взаимного обмена мнений и суждений Архиепископ открыто заявил, что в православном понимании есть своя основательность, и он охотно признает соприсущую ей правду, показывая в себе слушателя и зодчего последней.

Но в связи с идеей Голгофской жертвы находится вопрос об Евхаристии и других таинствах и о значении их в жизнедеятельности Церкви. Принципиально формулировалась разность касательно всецелого верховенства здесь «служения слова», или христианской учительности, и соподчиненной роли церковного тайносовершительства, ниспадавшего до степени простой утилитарности, почему Евхаристия совершалась в Упсале только в известные, редкие дни и лишь для нужд причастников. В этом пункте у нас было серьезное расхождение, и осенью 1918 г. мы предпринимали длинные хождения до Gamla Upsala²¹ и, как Эммауские путники, дружески обсуждали все стороны этого жизненного предмета. Архиепископа пугал ритуализм механического сацердоциализма²², и он боялся пожертвовать ему свободой вдохновенного назидания по вере. Однако в этой области Н. Сёдерблум, глубоко мистический в своей религиозности христианин, принимал сакраментальную стихию, и ее важность простирал до того, что

²¹ Старая Упсала (швед.) – место в 4 километрах от центра Упсалы, связанное с дохристианской эпохой в истории Швеции. – *Прим. публикатора.*

²² От латинского «sacerdos» (священник, жрец), в буквальном смысле – жречество. – *Прим. публикатора.*

и на Конференциях и в писаниях своих всегда напоминал, и выдвигал мое убеждение, что взаимообщение в таинствах должно быть не началом, а концом междуцерковной взаимности, которая должна увенчиваться единением в *трапезе Господней*.²³

Наряду с этим, конкретно знакомясь с другими исповеданиями через их носителей и толкователей, Архиепископ старался ввести всех в дух и быт своей шведской церковности. Для сего утилизировались не парадность и торжественность, а повседневный церковный порядок. Мы ходили по старинным церквям (напр., Trefaldighets kyrkan, в Gamla Upsala), посещали скромные служения по утрам и вечерам, присутствовали при важнейших церковных актах. Я видел тут не доктринальную символику²⁴, а жизненное христианское восприятие и личным присутствием и непосредственным чувством удостоверился, что в Шведской церкви — приобщение (с исповедью) имеет характер таинственности, и епископские поставления (в 1928 г. Упсальского профессора Edgar Reuterskiöld'a на кафедру в Växjö) есть действительно хиротония апостольских преемников в служении Христовом.

Всеми указанными способами Архиепископ, хотя и не без большого труда, достигал сглажения фактических конфессиональных различий и взаимного сближения. В этом отношении его устав был несомненный и благословенный. Гораздо страшнее был конфессиональный индифферентизм, переходивший в квиетизм спячки, требовавшей громов для пробуждения. Тут сам Архиепископ был неумолчно зывающим Предтечей, непосредственно являясь со своими пламенными обращениями в разных центрах Европы, Англии и Америки, действуя своими связями, ведя бесконечную корреспонденцию на всех языках, которыми он владел широко и свободно. А затем все участники Упсальских чтений становились его апостолами в своих кругах и создавали по разным странам расположенные организации и настроения. Люди начинали если не сочувствовать, то интересоваться; остальное довершали эмиссары Н. Сёдерблума и сам он своими связями и влияниями, пробуждая спящих, оживляя дремлющих, ободряя робких, воспламеняя смелых.

²³ 1 Кор. 10, 21.

²⁴ Т. е. учение, исповедание веры по символическим книгам.

Но дальше преграждал дорогу фанатизм упорства, предубеждения и ожесточения. В восточных церквях это было отголоском старых канонически-бытовых норм, воспрещавших религиозное общение с еретиками и раскольниками и требовавших уклонения от каждого соприкосновения с иноверцами. Это был активный консерватизм, где приверженность к «апостольской старине» связывалась со «священной ненавистью» к богопротивным новшествам. И грустные смуты наших дней в православном мире из-за поспешных календарных реформ достаточно свидетельствуют, насколько грозным могло быть сопротивление с этой стороны. Обязанность православных вождей и представителей была считаться и справляться с подобными неблагоприятными течениями, но и Н. Сёдерблум в своих «экуменических» интересах должен был с точностью выяснить, до какой степени православие допускает привнесение чего-либо нового по сравнению с основным, традиционно-унаследованным и общепризнанным церковным достоянием. Именно этими идейными мотивами объясняется дружеская настойчивость, с которой он непременно желал иметь от меня специальный трактат об Антиохийской богословской школе в моих Упсальских чтениях 1928 года. Ему было вполне известно, что последовательные Антиохийцы дошли до крайности и в лице Нестория впали в еретичество, но он знал и новейших экзальтированных апологетов несторианства, воспевавших его самыми православными славословиями. Это было чрезвычайно знаменательное явление, конкретно обнаруживавшее в православии реально-историческую природу и ее принципиальную способность к «кафоличности» Христовой, или папистической. По этим побуждениям я охотно исполнил столь мудрое желание Архиепископа и, с некоторой искусственностью, присоединил к своим лекциям соответствующий очерк, намеренно обосновав его на одних православных русских ученых трудах. Достиг ли я предположенной специальной цели, — не знаю, но Н. Сёдерблум придавал особую ценность этому моему труду и нарочито выделил его в заглавии немецкого издания моих лекций, почему-то ненапечатанных доселе.

Но если в православных сферах Архиепископ мог действовать лишь предусмотрением и предупреждением, то в собственной области протестантства ему нужно было выступать прямо и ответственно, чтобы создать здесь «экуменическую» почву. А с этой стороны там было слишком достаточно всяческих препятствий. Помимо религиозно-ра-

ционалистических и субъективно-мистических стихий, одинаково чуждых догматической Кафоличности, — в самой протестантской ортодоксии находится немало влиятельных «прусских медведей», которые не допускают ничего кроме рабского исповедования первоначальных, исторически уставных лютеранских формул. Они стремятся только воевать и желают лишь побеждать, но всего менее склонны сближаться и уступать, как это весьма тревожно сказывалось на Лозанской конференции 1927 года. Тут Н. Сёдерблему приходилось не столько вразумлять и убеждать, сколько раскрывать крайнюю относительность таких непримиримых окаменелостей и фактически низводить до заслуженного уровня «археологического правоверия».

Это достигалось в более широкой плоскости общепротестантского объединения. Пред нами раскрывается обширное море с запутанными течениями, с капризными приливами и неожиданными отливами, с мелями и пучинами, с опасными бурунами и подводными рифами. Чрезвычайное разнообразие и неограниченный индивидуализм — в такой пестрой среде не было необходимой опоры для соглашения с неуловимым целым или, по крайней мере, с доминирующим. Надо было последнее сформировать и выдвинуть в качестве общепротестантского представительства. В этом направлении Н. Сёдерблум поработал много и плодотворно. Верный лютеранин с исконной для Шведской церкви католической наследственностью, которой переполнен Упсальский собор (в старинных гробницах, дорогих облачениях, резных средневековых иконостасах, настенных изображениях, хоровом пении и даже чтимых мощах), с глубокой христианской мистичностью и «экуменической» широтой, — он мог свободно подняться над протестантским разноцветным калейдоскопом и обнять его своей превыспренностью, где все различия находили свое фактическое место, историческую цену и догматическую значимость. Открывался более устойчивый центр для всех периферий, и получалась возможность не затрудняться последними, имея первый. В междуцерковных разногласиях протестантство оказывалось с индивидуальным и типическим голосом, а другие участники нашли ответственного собеседника. Это — великая заслуга Н. Сёдерблума. Для подготовки всецерковного объединения необходимы групповые церковные сближения, чтобы не теряться среди крайней пестроты и не запутываться в бесчисленных мелочах. Чем меньше партий, тем удобнее взаимные объяснения и тем легче примиряющее соглашение, чтобы чрез него дойти до единства Христова. Я вполне

разделял эту идею, которую доселе считаю вполне правильной, а для Н. Сёдерблума общепротестантский союз был лишь средством для целей высшего церковного объединения, но ничуть не последней твердыней, где можно было изолироваться для самозащиты и для нападений на всех «внешних». Римско-католики видели только второе и с некоторым насмешливым раздражением называли Н. Сёдерблума «протестантским папой», который с их точки зрения являлся чем-то вроде «антихриста» из серии тех, какие рисовались в прошлом католической экзегетикой данного предмета (во 2 Фес. 2, 3 ст.). Сам Н. Сёдерблум добродушно принимал это в апостольском духе (Флп. 1, 18) и спокойно продолжал свою миссию, твердо исповедуя, что нельзя объединяться с другими, не будучи объединенным в себе самом.

IV

Таковы были идейные и фактические предварения Стокгольмской конференции 1928 г. со стороны Н. Сёдерблума. Раньше ее открытия я встретился с ним в Лондоне на Никейских торжествах и не скрыл моих опасений относительно достойной осуществимости его великого плана. Но он был глубоко убежден в торжестве своих усилий, молитвенно уповая, что и в этом святом деле *сила Божия совершается в немощи человеческой* (2 Кор. 12, 9). Однако последняя должна стремиться и стараться, наблюдать и соображать *знамения времен*.²⁵ Первого было слишком достаточно в подготовительном периоде и еще больше при самом исполнении. Конференция была грандиозным явлением и по внешнему устройству и по внутреннему содержанию. Как был достигнут этот поразительный эффект необыкновенной стройности во всех действиях, — это тайна исключительного организаторского таланта Н. Сёдерблума и его всесторонней прозорливости, умения быстро схватывать всякие положения и мирно ликвидировать всякую коллизию. Он предусматривал у всякого и малое и сложное, и все сводил к общей гармонии, устранял все конфликты, создающиеся недоразумениями предубеждения и честолюбия, национальной вражды и конфессионального отчуждения, заставляя всех открывать начистоту душу,

²⁵ Мф. 16, 3 и пр.

которая «по природе христианка»²⁶ и не может не быть христиански согласною у всех членов. Архиепископ создал благоприятную атмосферу для униональной работы, в которой оказались сочувственно заинтересованными все слои и круги Стокгольма от мудрого Короля до простого обывателя, от иностранного посла до газетного корреспондента. Уже это одно свидетельствовало о величии Конференции, где наряду со всеми участвовали своими интересными рефератами и сам Кронпринц и Принц Карл. Все это обязано неусыпному гению Н. Сёдерблюма, но зато он сам за все это некроткое время едва ли имел хоть по одному спокойному часу в день для отдыха, а писал и подписывал даже на ходу бесконечное количество раз ежедневно ...

Внешняя солидарность и обеспечивала и выражала внутреннюю солидарность, без которой скоро рассыпалась бы вдребезги. Здоровое тело предполагает и здоровую душу. Тогда впервые сошлись иноверцы со всех концов мира, взаимно и даже конфессионально не всегда известные друг другу (при новых «церковных» образованиях вроде «Чешско-словацкой церкви»²⁷ во главе с Карелем Фарским²⁸), историческим прошлым и современным (военным) религиозным озлоблением, где каждая сторона прикрывалась «именем Христовым», приученная к подозрению, недоверию и только к нападению или самообороне: ничего третьего! Тут нужно было счастливо избрать самую точку отправления, чтобы иметь хоть *bonum initium*, не говоря уже о *facti dimidium*.²⁹ Н. Сёдерблюм не разделял взгляда проф. Ад. Гарнака³⁰, что догмат служит прямым выражением и неперменным стимулом церковного разделения, ибо производит лишь распределение и отбор, создает церковно-доктринальную классификацию. Однако верно и то, что, группируя по известным теоретическим рубрикам, догмат связывает свободу всех этих организаций и каждого члена, не позволяет принимать наряду с исповедуемым нечто заповедное³¹ ... Только авто-

26 Известное изречение Тертуллиана. – *Прим. публикатора.*

27 The Czechoslovakian Church.

28 Karel Farsky.

29 Доброе начало; половина дела (лат.) – *Прим. публикатора.*

30 Adolf von Harnack.

ритет апостольского предания, преемственно сохраняемого, и самая жизнь христианская могли сблизить и забетонированные течения, и стабилизированные мнения. Но *traditio apostolica* сама подлежала догматическому спору, а потому необходимо было обратиться ко второму примирителю. Ничуть не отрицая обязательности и важности насущных и, конечно, немногочисленных догматов, Н. Сёдерблум должен был сосредоточиться на жизненной христианской стихии, которая, будучи истинной, непрестанно бывает активной и раскрывается в собственных делах. Отсюда и знаменем Стокгольмской Конференции служил девиз «Life and Work». Здесь были основы и залог ее успеха, ибо трудно было и вообразить, чтобы ныне кто-нибудь (кроме разве самозадогматизировавшегося католицизма) не пожелал совместно участвовать в творчестве жизни Христовой среди людей чрез церковные организации и в христианском делании ради *царства Божия и правды Его*.³² Но, сближаясь здесь практически, все участники становились реальными общниками функционирующих там принципов истины Христовой, и фактически оказывались во Христе по вере, требовавшей теперь лишь согласного выражения в общем исповедании. Все построилось и протекало по благословенной норме староправославного литургийного призыва: *ἀγαπήσωμεν ἀλλήλους, ἵνα ἐν ὁμολοίᾳ ὁμολογήσωμεν*.³³ И по замыслу, и по процессу, и по результату Стокгольмская конференция, оставляя всех в том христианском звании, в каком они призваны³⁴, единым для них упованием возводила к высшему, небесному званию Божию³⁵, объемлющему всех исповедников Христовых, захватывая весь христианский мир. С этой стороны она фактически была и справедливо называется «экуменической», или вселенски-кафолической. А по содержанию это было жизненное междущерковное объединение, предрасполагающее к приемлемому догматическому сближению в союзе любви Христовой. При всех неизбеж-

31 Т. е. запретное, запрещенное – этих догматов.

32 Мф. 6, 33. – *Прим. публикатора*.

33 *Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы* – можно по-румынски.

34 1 Кор. 7, 20, Еф. 4, 4.

35 Флп. 3, 14, Евр. 3, 1.

ных колебаниях не было на Конференции существенных уклонений от этих линий, благодаря покоряющему вдохновению Н. Сёдерблюма и созданному им общему устремлению. В этом наиважнейшее и непреходящее значение этой Сёдерблюмовской конференции, которая рисуется тем ярче и притягательнее по сравнению с бесчисленными и трескучими международными собраниями, где мирные разговоры ведутся под грохот смертоубийственных орудий представляемых делегатами государств ...

За последующее время я всегда привлекался к международным делам и съездам, но был и работал вместе с Архиепископом только в 1927 году на Лозаннской «the World Conference on Faith and Order», куда мог попасть именно через него ... Эта конференция была задумана много раньше и имела ревностных поборников, радетелей и деятелей (особенно в лице ее секретаря, приснопамятного Robert Hallowell Gardiner, † 1924, VI, 15), но она получила Лозаннскую реализацию лишь на почве и в меру Стокгольмского предварения. Цели ее были *праведны, святы и благи*³⁶, усилия благородны и искренни, факторы и акторы чисты и самоотверженны. Молитвенно чту память ее председателя епископа Бранта (Charles Henry Brant, † 1929, III, 27), смиренного, благоговейного и любвеобильного, всегда готового *быть всем вся*³⁷ ... Уважаю и его энергичного помощника, с капитанской строгостью державшего руль правления. Именно он и был типическим выразителем всей Лозаннской конференции, ему она обязана своей регулярностью и законченностью, но исключительно потому, что крепко сдерживалась в предначертанных рамках с решительным возбранением малейших уклонений и на десно и налево. Всякие попытки в этом смысле пресекались немедленно и строго. Это было аккуратное и послушное исполнение теоретической программы без всякого творческого вдохновения и даже с изъятием его. Естественно, что не могло быть полного успеха там, где по существу дела — надо создавать *вся нова*³⁸ ... Как будто преобладал дух догматической непримиренности, при которой нельзя было ожидать всеми желанного мира, а обратное

36 Рим. 7, 12.

37 1 Кор. 9, 22.

38 2 Кор. 5, 17.

было и натурально и реально ... Вся Конференция в конце своем чуть не была сведена к совершенному нулю, и иногда напряжение было столь острым, что американские корреспонденты спешили телеграфировать о готовящемся взрыве ... Только благодать Божия и мужество верных участников спасли ее от полного краха, и она не осталась совсем бесплодной. Формально — междуцерковное догматическое сближение ограничивалось лишь соглашением касательно исповедания Евангелия, да и то не без большого напряжения, а главнейший результат был более отрицательно-поучительный, что нельзя объединиться в символах, когда они не обеспечены и не вызываются делами. Но пока для всей суммы догматических разногласий и доктринальных недоразумений этой предпосылки совсем не было, — и потому они представляли мертвое неприходимое средостение. Надо было выделить некоторое существенное и подготовить практически в обособленных конфессионально-групповых соглашениях, а не выдавать сразу целые тучи отравляющих догматических газов среди смутной и бурной атмосферы ... И поскольку Лозаннская конференция могла находить такой базис, — она имела некоторую жизненность, но это были принципы, труды и плоды Н. Сёдерблума ... Он не играл в Лозанне первенствующей роли и не мог спасти положения, однако вовсе не считал себя «экуменически» исчерпанным и замышлял новые планы для жизненного развития междуцерковного объединения, а пока был свидетелем и залогом истинного его направления, готовым служить и жертвовать собой даже там, где для него была *modo laudanda voluntas bona*³⁹ ...

Таким он был во всю свою апостольскую жизнь, и таким сияет ныне пред моим духовным взором великий «экуменический» архиепископ Упсальский, всегда старавшийся *οὐ τῷ αἰῶνι, ἀλλὰ τῷ αἰωνίῳ δουλεύειν*.⁴⁰ Я могу созерцать его непрестанно и говорить о нем непрерывно. Но ... надо остановиться и кончать.

Натан Сёдерблум неизменно боролся за правду и строил мир, но это были правда Христова и мир Божий. Здесь он был христианским Мелхиседеком, и дело его святой жизни мессиански предвещает благословенное междуцерковное увенчание. Посему в третий раз на

³⁹ Только добрая воля достойна похвалы (лат.). — Прим. публикатора.

⁴⁰ Служить не веку (сему), а вечному (греч.).

своем веку вспоминаю я в отношении дорогих мне лиц (прежде блаженный Феодорит, епископ Киррский⁴¹, и мой учитель проф. Алексей П. Лебедев⁴², сейчас архиепископ Сёдерблум) знаменательные исторические слова (императора Маркиана о Флавиане Константинопольском у Mansi VII, 497):

«Никогда сила славных не уничтожается со смертью, добродетели не оканчиваются вместе с умершими; а еще больше увеличивается доброе мнение о добродетельных с их кончиной, потому что всякая зависть к умершим исчезает ...»

Αἰωνία αὐτῶ ἡ μνήμη!⁴³

Заслуженный профессор
Николай Глубоковский.

г. София (Болгария).
1932, IV, 9 — суббота.

⁴¹ Н. Н. Глубоковский, *Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность. Церковно-историческое исследование*. Т. 1. Москва 1890. – Прим. публикатора.

⁴² Н. Н. Глубоковский, Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева. (Под первым впечатлением тяжелой утраты) // *Странник* 1908, № 9, 305. – Прим. публикатора.

⁴³ Вечная ему память! (греч.) – Прим. публикатора.